

А.В. Бабанов

ВЕРА Л. ШЕСТОВА И Л.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. Предметом исследования являются концепции веры Л. Шестова и Л.Н. Толстого. Объект исследования: религиозно-нравственное учение Л.Н. Толстого и философия Л. Шестова. Особое внимание уделяется проблемам соотношения веры и разума, веры и нравственности, выявлению различия в осмыслении отношения человека к абсолютному началу мира у двух мыслителей. Цель работы – показать общую "этическую" направленность мысли Шестова и Толстого, проанализировать задание ими на разных основаниях субъектного отношения к миру.

Методология исследования предполагает комплексный анализ имеющихся источников по теме исследования. Был использован метод сравнительного анализа.

Основными выводами проведенного исследования состоят в следующем. Если в философии Шестова вера и разум исключают друг друга, то в мысли Толстого вера обосновывает разум, а разум "подводит" к вере, выявляет её. Согласно Шестову, вера противостоит и нравственности, тогда как у Толстого вера является необходимым условием нравственных поступков. Тем не менее, общая интенция мысли Шестова и Толстого по существу этическая: идея веры Шестова есть полагание морали не в ограниченных пределах возможного и должного, а в пределах не детерминированного решения абсолютного субъекта. Для Толстого идея морали совпадает с должным, высшим «Я», которое мыслится совершенным, и отношение к которому задаёт пространство морального совершенства.

Ключевые слова: вера, мораль, разум, субъект, мир в целом, этика, ответственность, Бог, добро, зло.

Review. The subject of the research is the concept of faith of Lev Shestov and Lev Tolstoy. The object of the research is Lev Tolstoy's religious and moral teaching and Lev Shestov's philosophy. Special attention is paid to the relationship between faith and reason, faith and morals and the difference in the philosophers' views on human's attitude to the absolute beginning of the world. The purpose of the research is to show general 'ethical' orientation of Shestov's and Tolstoy's philosophies and to analyze their subjective attitude to the world that was based on different grounds. The research methodology involves integrated analysis of sources on the research subject. The researcher has also used the method of comparative analysis. The main conclusions of the research are the following: while Shestov viewed faith and reason as mutually exclusive, Tolstoy saw faith as the proof of reason and reason as the 'way' to faith. Shestov also opposed faith to morals while Tolstoy considered faith to be an essential prerequisite for moral behavior. Nevertheless, both Shestov's and Tolstoy's philosophies in fact have the general ethical intention: Shestov views the idea of faith as the reliance of morals not as a result of the 'possible' and the 'must' restrictions but as a result of nondetermined decisions of an absolute subject. Tolstoy related the idea of morals to the highest 'Self' that was viewed as the ideal and attitude to which was created within the space of moral perfection.

Keywords: faith, morals, reason, subject, world in general, ethics, responsibility, God, good, evil.

Для сравнения философских концепций веры Шестова и Толстого есть все основания. Так, чтобы понять, о чём говорит Шестов, говоря о вере, можно поставить перед ним как зеркало такого мыслителя как Толстой, который, на первый взгляд, совершенно противоположен Шестову в своих основных положениях, в своей вере. К тому же немаловажным является то обстоятельство, что творчество Толстого осмыслено самим Шестовым, а вот обратной связи

нет. Конечно, никто не может выразить отношение Толстого к чему бы то ни было, кроме него самого. Наша задача не в этом: мы можем продолжить традицию диалога и спора разных по духу мыслителей, дав свое понимание соотношения мысли Толстого и Шестова. В этой работе не ставится цель занять какую-то сторону спора, или предъявить собственное понимание веры, а только показать особенности каждого ума в их явном, ярком различии. Надо сказать, о вопиющем различии, которое, однако, не

делает мысль Толстого и Шестова непреодолимо чуждой. Ведь оба болеют за человека, погружены в человека, увязли в нём полностью, хотят спасти, разбудить его, оба жаждут смысла, свободы. У их мысли общий вектор: она в своей основе этична, так как утверждает субъектное отношение к миру.

Вера и разум

Каково соотношение веры и разума у обоих мыслителей? Для Толстого вера – это сознание смысла жизни, это – сила, дающая человеку жить: «Вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого он живёт. Вера есть сила жизни. Если человек живёт, то он во что-нибудь верит. Если бы он не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил» [1, с. 347]. Толстой исходит из того факта, что человек является разумным или сознательным существом, и как бы ни были сильны его чувства и влечения, безотчётно жить ими явно недостаточно для сознательной, т.е. для собственно человеческой жизни. Чтобы жить разумной жизнью, человеку нужно понять, в чём состоит его вера, а она у него так или иначе всегда уже есть.

Вера является тем непосредственным знанием, присущим «сознательной жизни в её конкретном, индивидуально-деятельном воплощении» [2, с. 300], которое может и не осознаваться самим человеком, но всегда присутствует как общий вектор его жизни. Вера существует помимо слов и отдельных поступков, и поэтому может не совпадать с «я верую», т.е. с мнением о своей вере самого человека. И чаще всего так и бывает. Чтобы узнать, какова моя вера, куда я двинулся всю свою жизнь, нужна честность с собой, сущностный взгляд: «Надо посмотреть, как он живет, не на те или иные речи, не на те или иные особые поступки, а на всё, что он делает, на внутреннюю направленность, смысл всей его жизни. Человек верит в то, как он на самом деле живёт» [2, с. 298].

Из этого видно, что веру можно понять как расположение, «уже-понимание» себя и мира в целом. Вера до сознания, всегда уже есть и может быть осознана. Она – внутренняя направленность, вектор всей жизни, слов, жестов, повседневных действий, решений, мыслей, снов. Вера является самим существом человека, которое только может отразиться в сознании в общих чертах, приблизительно. Так или иначе, она должна быть осмыслена, потому что любая деятельность человека основывается на его вере. Может возникнуть законный

вопрос, как человек замечает, что направление его жизни именно такое, а не иное? В каком пространстве, в каких координатах находит себя эта общая направленность жизни? Для Толстого – это пространство морали: абсолютного верха и низа, которые он называет жизнь и смерть, спасение и гибель. Эти верх и низ даны человеку вместе с верой, т.е. до любого рационального знания, они как бы вписаны в его существо, составляют его суть.

Вера для Толстого, как замечает А.А. Гусейнов, – это вид знания. Если разумное знание посредством познания объективного мира развертывается «в своем всеобщем истинностном содержании» [2, с. 300], то вера является непосредственным знанием того, зачем человек живёт, вплетённым в самую жизненную практику. Вера и разум не противостоят друг другу, напротив, «они, эти два понятия, соединены таким образом, что образуют круг: вера составляет предел и основу разума, разум подводит к вере и обосновывает её» [2, с. 300].

Вера как знание не имеет того предметного содержания, какое имеет научное знание, так как вера это сознание предела любого достоверного знания: «Верить можно только в то, про что мы знаем, что оно несомненно есть, но чего мы не можем обнять разумом и выразить словами» [3]. Вера возникает на пределе разума, когда он только удостоверяет существование абсолютного предела мира и самого себя, невозможность знать об этом за пределами хоть что-то, кроме того, что оно есть. Говоря иначе, вера – это знание о смысле жизни, который выходит за пределы понимания, но существование которого удостоверяется разумом. Истины веры изначальны и не могут быть доказаны. В отличие от научного знания, которое по своему замыслу нацелено на объективное отражение мира и может совсем не затрагивать самого познающего, истины веры являются нравственно обязывающими, мучают и толкают человека к действию. Вера предшествует любому другому знанию, будь то научное или философское, так как без неё никакая деятельность невозможна, в том числе и та, что нацелена на получение или обоснование какого-либо знания.

Для Толстого неприемлемы любые отождествления веры с абсурдом, нелепицей: «Истинная вера никогда не бывает неразумна, не согласна с существующими знаниями, и свойством её не может быть сверхъестественность и бессмысленность, как это думает и как выразил это отец церкви, сказав: «credo quia absurdum» (верю, потому что неле-

по)» [2, с. 297]. Вера, согласно Толстому, находится в согласии с разумом: «Утверждения настоящей веры, хотя и не могут быть доказаны, никогда не только не содержат в себе ничего противного разуму и несогласного с знаниями людей, а всегда разъясняют то, что в жизни без положений веры представляется неразумным и противоречивым» [4]. Т.е. вера дополняет разум в самом главном: она является условием цельного знания или понимания бесконечной жизни. Это не значит, что Толстой выстраивает очередное здание метафизики, чтобы объяснить всё многообразие и сложность мира с помощью одного или нескольких универсальных принципов. Нет, Толстой видит «тёмное» для разума абсолютное начало мира, и отдаёт себе отчёт в том, что не понимает его: «Я не буду искать объяснения всего, я знаю, что объяснение всего должно скрываться, как начало всего, в бесконечности. Но я хочу понять так, чтобы быть приведённым к неизбежно-необъяснимому; я хочу, чтобы всё то, что необъяснимо, было таково не потому, что требования моего ума неправильны (они правильны, и вне их я ничего понять не могу), но потому, что я вижу пределы своего ума» [1, с. 374]. Задача человека как разумного существа состоит в том, чтобы установить отношение с этим запредельным для познания бесконечным началом мира и собственной жизни, выяснить, какое отношение самое честное, разумное из ему известных.

Для установления истинной веры необходимо ясное осознание своего положения, а именно неизбежности и окончательности личной смерти: «Вера не может произойти от доверия к тому, что он скажет (Иисус Христос); вера происходит только от сознания своего положения. Вера зиждется только на разумном сознании того, что лучше делать, находясь в известном положении» [5, с. 96]. Положение человека таково, что оно обязывает найти выход: найти такой смысл для своей жизни, который бы не уничтожался смертью, а найдя таковой, отдать все силы служению ему.

Вспомним, пожалуй, самое известное из всех определений веры из послания Евреям апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). Такое определение веры отвергал Лев Толстой, для которого вера была самым важным делом человеческой жизни, от которого зависело буквально всё. А.А. Гусейнов выделяет две причины, из-за которых Толстой её не принял, соответствующие двум частям этой формулы: «Эта формула его не устра-

ивает тем, что она выводит веру в первой части (как осуществление ожидаемого) за рамки индивидуально ответственного поведения, а во второй части (как уверенность в невидимом) за рамки рационально-критического мышления. Тем самым человек обрекается на пассивность, вера оказывается не его собственным делом» [2, с. 290]. Дело человека – узнать свою веру и выявить, разумна ли она, лучше ли, правдивее других существующих вер? Толстой допускает, что человек сам может изменить вектор своей жизни, что это в его власти. Примером может служить тот поворот, который произошёл с самим Толстым около пятидесятилетнего рубежа его жизни.

Лев Шестов скорее солидаризируется с Павлом. Его образ веры, пожалуй, ещё более противоречив, чем определение веры послания к Евреям. Так, вера иногда выступает у Шестова как дар Бога [6, с. 214], дар вне любых человеческих усилий, а иногда как дерзновение самого человека: «Нужно «спасаться» иным способом, «верой» – как учит ап. Павел, одной верой, то есть напряжением душевным совсем особого рода, именуемом на нашем языке «дерзновением»» [7, с. 246].

В противоположность Толстому, Шестов любит и ценит формулу Тертуллиана: ««credo quia absurdum»». Для него только «слепая» с точки зрения разума, неразумная, точнее «внеразумная» вера является настоящей. Такая вера не считается как с имеющими форму всеобщности и необходимости утверждениями науки, так и с обыденным знанием, вообще с любым знанием: «Ап. Павел говорит, что, когда Авраам пошёл в обетованную землю, он пошёл, сам не зная, куда идёт. Это значит, что в обетованную землю может прийти только тот, кому уже можно не считаться со знанием, кто от знания и его истины свободен: куда он придёт, там будет обетованная земля» [6, с. 217].

Вера, согласно Шестову, является тем «единым на потребу», что одно только нужно для спасения человека от несвободы и смерти, и что, тем не менее, находится не в его власти. Шестов согласен с Кьеркегором, что если у человека нет веры, то он в отчаянии, сознаёт он своё отчаяние или нет. Шестов уверен, что только в таком отчаянии и может родиться вера: «Вера начинается тогда, когда по всем очевидностям всякие возможности кончены, когда и опыт и разумение наше без колебаний свидетельствуют, что для человека нет и быть не может никаких надежд. Греческая философия, пишет Киргегард, начиналась с «удивле-

ния», экзистенциальная – начинается с отчаяния. Вера есть источник экзистенциальной философии и именно постольку, поскольку она дерзает восставать против знания, ставить самое знание под вопрос. Экзистенциальная философия есть философия *de profundis* («из глубины»). Она не вопрошает, не допрашивает, а вызывает, обогащая мышление совсем чуждым и непостижимым для философии умозрительной измерением. Она ждёт ответа не от нашего разума, не от видения – а от Бога [8].

Грех человека в том, что он слушает разум, а не вызывает к Богу. Шестов понимает библейский миф о грехопадении таким образом, что именно разум и знание добра и зла является источником страданий, смерти и несвободы человека: «В Библии сказано противоположное – что все беды человеческие произошли от знания. В этом и смысл приводимых Киркегардом слов апостола Павла – все, что не от веры, есть грех. Знание, по самому существу своему исключаящее веру, и есть грех κατ' ἐξοχήν (по существу), или первородный грех» [6, с. 216].

В книге «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (философия и проповедь)» Шестов выразил своё негативное отношение к вероучению Толстого, в котором разум и вера составляют единство: «Вера Толстого не исключает атеизма и ведёт к стремлению уничтожить, душировать, давить других людей во имя принципа» [9, с. 256]. Такое отношение Шестова к мысли Толстого, помимо прочего, было вызвано неприятием им формы проповеди, в которой эта мысль себя выразила.

Шестов видит главную ошибку Толстого и большинства философов в том, что они пытаются жить в тех категориях, в которых мыслят (жить сообразно мысли), тогда как честнее и человечнее было бы мыслить в тех категориях, в которых живёшь (чувствуешь, переживаешь жизнь). Отсюда отрицание им принципов, нравственных норм, которые как раз выражают эту роковую ошибку философии и морали. Для Шестова жизнь – это чувство, воля, и подчинять её норме, значит насиловать, подавлять живое начало в человеке. Свобода или воля человека является его «интимнейшей сутью». Это интимное не может быть «поймано» в рамки нравственной программы поведения, подчинено моральному закону. Задача человека, говорит Шестов, состоит не в том, чтобы служить добру, а в том, чтобы найти нечто выше добра, сострадания и любви [9, с. 307], которые не имеют реальной силы в этом скованном необходимыми законами мире.

Конечно, Шестов называет веру ещё и «вторым измерением мышления», и хотя бы поэтому напрашивается вывод, что вера для него это тоже вид знания. Но даже если вера и вид знания, то она непонятно откуда берущееся знание-откровение, которое всегда сопряжено с действенной преобразующей силой. Отличие веры от знания такое же, как отличие действия от знания. Знание бессильно что-то изменить в мире, оно только объясняет его. Даже если оно является основанием тех или иных действий, тем не менее, оно отлично от них. Тогда как вера может изменить мир, и не революцией или преобразованием окружающей среды, а абсурдным образом, непонятно как, «вдруг». Главное в вере это не то, что верующий принимает нечто на веру, а то, что он может. Слова библейского откровения «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдёт» Шестов понимает буквально. Его вера это возможность отменять прошлое зло, не считаясь с абсолютной невозможностью это сделать. Невозможность «сделать бывшее никогда не бывшим» существует только для разума, а не для веры: «Бог ничего не «знает», Бог всё творит» [6, с. 217]. Вера – это полнота возможностей творческого действия, внезапно открытых человеку. С такой полнотой воли человек становится равным творцу: «чтобы обрести Бога, нужно вырваться из чар разума с его физическими и моральными принуждениями и пойти к иному источнику. В Писании он называется загадочным словом, «верой», тем измерением мышления, при котором истина радостно и безболезненно отдаётся в вечное и бесконтрольное распоряжение Творца: да будет воля Твоя. Воля Того, Кто в свой черёд безбоязненно и властно возвращает верующему утраченную им силу: «всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите» [6, с. 333-334]. Тут нужно присмотреться и понять, о чём идёт речь. Когда мы говорим вера, то, вероятно, подразумеваем веру в Бога. Для Шестова вера и Бог одно и то же. Вера – это не вера в существование чего-то или кого-то, в нечто, называемое словом «Бог». Вера – это сила, которая даётся человеку Богом, в независимости от его нравственных усилий заслужить эту веру. Можно сказать, что вера является утраченной человеком силой, той свободой, которая была у него в раю до грехопадения. Поэтому человек получает своё обратно, когда попадает в это чудесное измерение «мышления».

Вера Шестова, полностью исключая разумное знание, стоит ближе человеческому воображе-

нию, своевольному и не знающему предела. Ведь в своем воображении мы можем отменять однажды случившееся, «делать бывшее не бывшим». Конечно, воображение ещё не есть вера. На мой взгляд, такое сравнение продуктивно тем, что абсолютная свобода или вера Шестова коррелирует с необузданностью и творческой мощью воображения, которое, возможно, намного глубже, фундаментальнее рассудка и логики, представляющих как бы его упорядоченные подвиды. Однако есть существенное отличие: вера Шестова имеет своей целью искоренение зла в мире, тем самым задавая себе границы, что нельзя сказать о бесцельном хаосе воображения. Поэтому называть такую веру беспредельной свободой или своеволием не совсем верно, даже если Шестов иногда сам так характеризует её.

Если для Толстого разум, достигая своих пределов, подводит к вере, то для Шестова отказ от разума в пользу собственного своеволия, отчаянный зов к Богу, о котором ничего неизвестно, даже его существование, только может привести к вере. Вера, конечно, никому не гарантирована. В целостном контексте мысли Шестова веру не верно понимать как сознание смысла жизни: в некоторых предельных случаях человек живёт не потому, что имеет знание, зачем жить, не потому, что «во что-нибудь да верит», а потому, что хочет верить (хочет невозможной свободы). Вера как «сила и власть не допускать зло в мир» [6, с. 217] – это недостижимая цель, которую, несмотря ни на что, человек стремится достичь.

Толстой доверяет жизни, а также разуму как её части. Для Шестова раскол между жизнью и разумом кажется непреодолимым, и он, отвергая разум, доверяет только своему чувству и воле. Одно из главных переживаний экзистенциальной философии Шестова, которое присутствует в каждом его произведении, это жажда невозможного. На мой взгляд, именно этой жаждой жил Шестов, его критика разума и морали черпала силы в этом источнике. Никакие необходимые, всеобщие законы, открываемые разумом в мире, никакой опыт, свидетельствующий, что мертвых не воскресить, а имеющее начало обязательно имеет конец, ничто из того, что кажется очевидным и разумным, не делает его жажду слабее: «Человек ищет свободы. Он рвется к богам и божественному, хотя он о богах и божественном ничего «не знает» или, если хотите, – потому что ничего не знает. О богах и знать ничего не нужно. Достаточно только слышать, что они

зовут к себе, в ту горную область, в которой царит свобода, где свободные царствуют. И первый шаг к богам – это готовность преодолеть хотя бы мысленно ту тяжесть, то тяготение к центру, к почве, к постоянному и устойчивому, с которым люди так сжились, что видят в этом не только свою природу, но и природу всего живого. Нет законов над человеком. Всё для него: и закон, и суббота. Он мера вещей, он призван законодательствовать, как неограниченный монарх, и всякому положению вправе противопоставить положение прямо противоположное» [7, с. 180]. Человек – это царь, господин мира, он по праву должен властвовать над необходимостью законов природы, социальными условиями, последствиями своего детства, всеми очевидными и не очевидными истинами, среди которых он существует. Если это не так, то хуже для мира: человек останется при своей жажде невозможного. Он нищий, бессильный, но мир, сковавший его «по рукам и ногам», не примет. Бесконечного мира конечному и слабому человеку мало.

Как уже было сказано, вера, согласно Шестову, это не только сила и безграничная власть индивида, но и «второе измерение мышления», т.е. своего рода знание, но знание как откровение. И в этом он близок Толстому, для которого вера есть непосредственное знание смысла жизни, сугубо личное, недоказуемое знание, которое обосновывает собою любое другое, правда, и само требует испытания разумной деятельностью, т.е. своего исполнения, что кардинально отличает их понятия веры друг от друга. И хотя Толстой пытается аргументировано обосновать свою веру, показав её истинность, эти попытки ничуть не убеждают Шестова. Согласимся с Шестовым в том, что аргументы нужны больше на публике, чтобы убедить другого, но никак не в общении наедине с собой. Вера Толстого остаётся предельной для понимания, а значит, как раз требует от человека, в первую очередь, открытости тайне своей жизни, а только потом умение строго рассуждать. Чтобы понять, в чём моя вера, требуется честность, ум как честный разговор с самим собой, где нужны не убедительные аргументы, а прислушивание к своему молчанию, внимание. Ведь там, где абсолютное начало, мы обнаруживаем невозможность высказаться, немому. Возможно, дело вовсе не в том, что логически выверенные рассуждения Толстого отталкивают некоторых своей не поэтичностью или кажущейся наивностью. А в совсем не зазорном непонимании, когда мы просто находимся не в том месте, где Толстой.

Вероятно, не так просто дойти своим умом до его предела, когда уже нет слов, кроме «абсолютное начало» или «Бог», которые ничего кроме предела понимания не значат.

И уже как-то совсем тяжело идти за Толстым в ту область, где он называет Бога благим, принимает его как родного, любящего Отца. Смысл жизни, который открылся Толстому, или его вера заключается в участии в том бесконечном начале в конечной человеческой жизни, которое не уничтожается со смертью. Однако, как было сказано, человек ничего о нём не знает, не знает каково оно. Так в чём же он принимает участие? Почему это начало есть благо, а не зло для человека? Вечное начало не может быть злом, потому что оно даёт жизнь. Толстой как ребёнок доверяет жизни. То, что жизнь есть благо это аксиома, первое, не требующее доказательств. Он признаёт бесконечное начало самого себя благим, потому что так чувствует, непосредственно знает. Этому нет другого подходящего слова, кроме «принятия». Толстой принимает или же призывает Бога, называет его благим.

Принятие Бога как своего Отца, признание своего сыновства – это область, где не только наука, но и философия слагает свои полномочия, и человек остаётся наедине со своей невыразимой сутью. Шестов, на мой взгляд, там, с Толстым, но его нелюбовь к самому жанру проповеди делает его взгляд на мысль Толстого предвзятым. Шестов вдруг перестаёт замечать, что уже не так важно, как и что говорится, когда достигнут предел понимания. Здесь, в этой близости к тайне, уже диктует что-то большее, чем сам человек. Захваченный этой силой, доверяя ей, говоря ей своё безусловное «Да», Толстой назвал её Богом, добром и любовью. Главный недостаток такого именованья Бога Шестов видит в том, что эти слова выражают «слишком человеческий», «моральный» смысл, тогда как Бог «по ту сторону добра и зла». На мой взгляд, Шестов, как и многие писавшие о Толстом, не увидел у него этот поступок принятия Бога как благого начала. А без этого поступка за религиозно-нравственным учением Толстого и впрямь можно усмотреть стремление «уничтожать, душировать, давить других людей во имя принципа». Чтобы быть с Толстым, чтобы принять его мысль как необходимую, жизненно важную вещь для своей жизни, каждый читатель стоит перед необходимостью подобного поступка, иначе какой смысл читать Толстого?

Это безусловное принятие, учитывая в каком отчаянии находился сам Толстой, очень похоже на тот призыв к неведомому Богу, в котором Шестов видел «новое измерение мышления». И разве само доверие к абсолютному началу, которое безусловно больше, даже отрицает меня, не требует дерзновения, решимости? Весь экзистенциализм уже есть у Толстого. Да и сам Шестов, очень любил такие «экзистенциалистские» рассказы Толстого как «Отец Сергей» или «Смерть Ивана Ильича», в которых Толстой ставит читателя перед лицом неразрешимых вопросов жизни и смерти, вины и праведности. Безусловно, Шестов многим больше ценил Толстого художника, чем философа и учителя жизни. Участие в Боге, жизнь как раздаривание себя другим – в этом видит Толстой смысл своей жизни. Толстой и есть такой дар, событие, в котором мы все принимаем участие. На мой взгляд, проповедь своего религиозно-нравственного учения, которой он свидетельствовал истину ему открывшуюся, есть следствие огромного богатства, которому нет нужды «скрываться и таиться». В Толстом всегда есть желание поделиться тем, что он искренне считает правильным и нужным. Для Шестова, напротив, в первую очередь, очевиден осуждающий и «принуждающий» к обязательным для всех истинам характер религиозно-нравственных сочинений Толстого.

Вера и нравственность

Соотношение веры и нравственности в философии Толстого и Шестова противоположно. Для Толстого нравственность, как и вера, изначально, т.е. не может быть выведена из чего-то другого. Человек всегда «по совести» знает, жив он или мёртв, какое дело делает его более живым, а какое ведёт к смерти. Вера Толстого неразрывно связана с его нравственной работой, единственная цель которой – увеличение степени любви, расширение человека до сознания единства со всеми людьми и миром в целом. Всё, что не ведёт к увеличению любви, единению с другими, а наоборот, увеличивает силу и власть отдельной личности, замыкает человека в себе, в своих заботах и интересах, есть начало смерти и зла (Толстой: «Все люди закупорены, и это ужасно» [10, с. 5]). Вера как «сознание смысла жизни» образует пространство двух абсолютных полюсов – добра и зла, она может быть понята как постоянная чуткость, внимание к своему положению между

ними. При этом нельзя чувствовать себя близким полюсу зла, а можно только обнаружить себя отпавшим от добра, далёким от исполнения воли Бога. Говоря иначе, зло не субстанционально, не является чем-то подлинно существующим, в отличие от Бога [2, с. 297].

Итак, вера или смысл жизни реализуется в выборе бытия, жизни, а не смерти, в выборе в себе самом божественного. Такой выбор всегда сопровождается конкретными поступками: «вера не есть надежда и не есть доверие, а есть особое душевное состояние. Вера есть сознание человеком такого своего положения в мире, которое обязывает его к определённым поступкам» [4]; «поступки все вытекают из веры» [5, с. 94]. Вера Толстого ведёт к нравственной программе, которую можно назвать этикой ненасилия. Эти вещи столь связаны, что не существует отдельно веры в Бога и этики ненасилия. Поэтому для Толстого является недопустимым понимание веры отдельно от дел, разведение веры и нравственности, которое мы встречаем в философии Шестова.

«Всё, что не от веры, есть грех», – любимые Шестовым слова апостола Павла означают, что и добродетель без веры будет грехом. С другой стороны, вера и нравственность сосуществовать не могут. Единственным источником истины и спасения является вера, «только вера» вслед за Лютером утверждает Шестов [6, с. 150]. Если для спасения человеку нужна исключительно вера и если вера есть, то нравственность уже преодолена ею, оставлена, попросту не нужна. Когда человек добродетелен, или стремиться быть таковым, то скорее всего добродетель подменит собой веру, закроет её абсурдную возможность для человека. Ведь человек как бы успокаивается на том, что знает, в чём добродетель и как к ней идти. Он ещё имеет под ногами опору, когда верит в заслуженное блаженство добрых и силу разума. Вероятно (потому что относительно веры всё вероятно), вера не будет у того, кто стоит твёрдо на ногах, только упавший, отчаявшийся имеет шансы на неё. Для Шестова существует жёсткая альтернатива: либо вера, либо разум и нравственность – либо «Иерусалим», либо «Афины». И от этого жёсткого «или-или» он не отходит. Никакой нравственной программы у Шестова не найти: вряд ли будет верным считать за таковую неистовые речи, обличающие происхождение познания и морали и призывы к отчаянной борьбе с неумолимым разумом и соблазнами добра.

Шестов считает проповедь добра и любви к ближнему бессильной, так же как бессильны сами добро и любовь помочь человеку в жизненной трагедии. Они могут научить смирению и принятию того, что уже не изменишь, но именно такое смирение и принятие Шестов называет смертельным грехом: «если только забытое нами слово «грех» имеет какой-нибудь смысл, то самый страшный, непростительный, смертельный грех в этом «принятии» и ещё больше в назиданиях, в тех *aequo animo*, которые нам приносит “истинная философия” и которые мы, в свой черед, она держится» [6, с. 227].

Не человек должен подчинять себя законам морали или разума, наоборот, мораль и разум должны быть у «него на посылках». Сила, или власть принадлежит человеку по праву его первородства во вселенной: «человеку дано творить истину, в жилах человека течёт королевская кровь» [7, с. 180]. Отсюда задача «экзистенциальной философии» вовсе не обоснование любви к ближнему и сострадания, а преодоление ужасов жизни, которые допускаются в неё разумом и моралью. Почему разумом и моралью? Ужасы жизни: насилие, смерть близких, болезнь, страдания невинных, бесчисленные трагедии сломанных судеб, катастрофы, такие как войны и землетрясения, которые не во власти человека – все эти ужасы являются таковыми именно для разума, который считает их неотменимыми, раз они уже случились и для морали, которая предписывает принятие и смирение, раз с ними ничего нельзя поделать. Вера – это, наоборот, сфера подлинно человеческого: всё, что разум считает истинами факта, истории, биографии, все ужасы человеческого существования в пространстве веры отменяются, не допускаются, теряют свою силу необходимости, ибо для верующего «нет ничего невозможного» (для веры нет фактов!). Вера вбирает в себя нравственное измерение жизни, являясь его триумфом над обезличенным разумными и принуждающими истинами миром. По вере какого-либо никому неизвестного, всеми забытого, «лишнего» человека Сократа не казнили, Адам не съел яблока, Кьеркегор женился на Регине Ольсен, Христа не распяли. Такой «иррационализм» Шестова, коренится в страстном желании спасти, вырвать человека из лап страшного греха, который он видит в доверии разуму и морали, в оправдании человеческих мук как необходимых.

Противоположным у обоих мыслителей будет и отношение к личности. Борьба Шестова с

разумом имеет цель «отстоять наши Я от притязания нематериальных и вечных истин» [11, с. 306], в том числе от репрессии морального закона. Чтобы частное «я» освободилось от разума и морали порою необходимы одиночество, безумие беспочвенности, великое страдание. Умозрительная философия, например, неоплатонизм или метафизика Спинозы, отрицает подлинное существование отдельной личности, умаляют её значение. Когда оно невообразимо огромно: кто знает, может быть, в отдельном человеке решается судьба всего мира. Предательством себя Шестов называет отречение от своих страданий, забвение своего я. Ведь только это маленькое я может, пройдя через отчаяние и безнадежность, встретить Бога, дарующего веру. Ценным является не только вера, но и само я, без которого нет никакой веры: иначе, чьи желание, чью волю верующий будет осуществлять?

Если Шестов борец за свободу «частного индивида», то Толстой, напротив, не признает ценности отдельной личности, видя в ней всего лишь животное начало. Как же с этим утверждением соотносится проповедь любви и ненасилия? Формула любви по Толстому: «не как я хочу, а как Ты хочешь, Боже» [2, с. 303]. Это формула учения Иисуса Христа концентрированно передаёт один из трёх смыслов жизни, выделяемых Толстым: жизнь ради себя, ради других и ради Бога (их можно свести к двум: ради Бога и не ради Бога). Только последний смысл признаётся Толстым истинным. Однако о воле Бога человек ничего знать не может. Поэтому нравственно обязывающей для него может стать только первая часть формулы любви: «Не как я хочу». Отказ от своеволия, самоотречение, то есть следование воле Бога находит деятельное выражение в абсолютном запрете на насилие. Согласно Толстому, совершать насилие значит «делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие» [2, с. 304]. Зло проявляется именно как насилие над другим человеком. Выход из бесконечной эскалации насилия, когда на насилие отвечают насилием, может начаться здесь и сейчас с моего отказа противиться злу (насилию) силой. Абсолютный запрет насилия оставляет человеку возможность просить, умолять, взывать к разуму другого, но полностью исключает принуждение силой, даже ради самозащиты или спасения близких. Отказ от насилия предполагает решимость постоянно делать выбор: жить не для людей, а для Бога.

Учения Толстого Шестов не принимает. Он считает, что проповедь добра, отказ от блага своей личности ради любви и единения с людьми это завуалированная попытка навязать всему миру свою веру, «изнасиловать» добром. С этим нельзя согласиться. Ведь борьба Толстого с личностью – это борьба с собственным эгоизмом, замкнутостью от мира и людей. В первую очередь своя, а не чужая личность казалась Толстому преградой к близости, единению с людьми. Показательны в этом отношении следующие дневниковые записи Толстого: «Два дня не писал. Здоровье нехорошо. На душе уже не так хорошо, как было. Толстой забирает силу надо мной. Да врёт он. Я, Я, только и есть Я, а он, Толстой, мечта, и гадкая и глупая. Холод, снег» [10, с. 314]. Великий писатель отождествлял себя с абсолютным, занимался только тем, что узнавал себя в нём. По его вере, Бог, единое начало любви – одно во всех людях, единственно подлинное и нерушимое в них. Дело Толстого, неразрывно связанное с верой – видеть в каждом и в самом себе одно благое вечное начало, тем самым преодолевая свою отдельность от других, от мира в целом. Насколько он был в этом успешным, по-настоящему никто судить не может, потому что это дело не может быть верифицируемо, каким-то образом учтено и проверено сторонним наблюдателем.

Отказ от насилия, казалось бы, противостоит любимому Шестовым своеволию, пример которого, пусть только в «мышлении» подпольного человека Достоевского, представляет собой прообраз божественной свободы. Однако неверно считать, что у Шестова можно найти или из его философии следует формула насилия: «как я хочу, а не как ты хочешь». Для мысли Шестова невозможен переход в какую-либо нравственную программу поведения. Это достаточно ясно из противопоставления им веры и нравственности, которые никак между собой не связаны.

Наоборот, нужно видеть в мысли Шестова этическую направленность, неявную интенцию, которую он, кажется, не проговаривал со всей доступной ему силой: его вера несёт в себе идею абсолютного субъекта, который даже за смерть Сократа берёт на себя ответственность (например, признает убийство Сократа афинянами своим поступком, признаёт себя участником этого события). В пространстве веры абсолютный субъект отменяет казнь Сократа как никогда не существовавший факт. Он не санкционирует это событие как событие – уничтожает его, «ибо сво-

бода не в возможности выбора между добром и злом, как мы обречены теперь думать. Свобода есть сила и власть не допускать зло в мир. Бог, свободнейшее существо, не выбирает между добром и злом» [6, с. 217]. Такой субъект – единственный, ведь нет никого, кто вместо него решает, чему быть. Только не понимая этого, Шестова можно с упреком спрашивать, а не будут ли против Сократ или Христос, если отменить их Голгофу? Не насилие ли это над ними? (Можно даже не учитывать, что оба не хотели умирать, сам вопрос неуместен.)

По недоразумению возникают и другого рода вопросы, которые задаёт Шестову Бердяев: «Но почему Л. Шестов так уверен, что Бог абсолютно свободный (свобода Бога почти отождествляется с произволом) хочет вернуть Регину Олсен Киркегору и дать принцессу бедному мечтательному юноше? А может быть Бог этого совсем не хочет и предпочитает, чтобы Киркегор лишился невесты, а бедный юноша не получил принцессы?» [12] Очевидно, что субъект веры находится в ином пространстве, в другой оптике смотрит на эти проблемы, поэтому для него не возникает подобных вопросов. В этой оптике нет другого, и не имеют смысла мысленные эксперименты, когда спрашивают, а захочет ли Сократ, чтобы суда и казни над ним вовсе никогда не было? То же самое верно и в отношении Бога. Можно согласиться с идеей о том, что у Шестова Бог совпадает с субъектом веры. Эта идея сглаживает существенные противоречия в его философии [13, с. 293]. В то же время, читая Шестова, нужно помнить, что лично для него противоречия не являются проблемой.

Что же общего у столь антагонистичных мыслителей? Что позволяет называть их обоих этиками? Для этого, конечно, недостаточно выявить их отношение к морали, проанализировать, как они понимают мораль. Важнее, на мой взгляд, общая интенция их мысли, которая является по существу этической. Эта интенция состоит в переосмыслении границ человеческого, в присущей моральной философии идее субъектного отношения к миру в целом, присутствующей в их мышлении [14]. Толстой, продолжая традицию античной этики, полагает, что самым существенным для человека является вопрос «как устроить жизнь, когда она в нашей власти» [1, с. 19]. И если Толстой, как Аристотель или стоики, полагаясь на разум, видел, что далеко не все во власти человека, но есть область,

в которой он свободен – это настоящее, где человеком всегда принимается решение о поступке, то Шестов область свободного решения и ответственности расширил и на прошлое. Абсолютная свобода или вера, согласно Шестову, «есть сила и власть не допускать зло в мир». Такая свобода есть не что иное, как добрая воля, ничем не ограниченная, кроме своего стремления творить добро (и отменять зло). Идея веры у Шестова является абсолютизацией человеческого начала, полаганием морали не в ограниченных пределах возможного и должного, а в пределах ничем не детерминированного решения абсолютного субъекта. Ответственность субъекта веры распространяется не только на будущее, но и на прошлое, так как он мыслится истоком любого поступка, творцом новых миров. Абсолютизация человеческой воли (в поздних работах «воли к добру») как этическая интенция мысли Шестова просвечивает в его отчаянной надежде, что «может, такой выявится порядок, при котором мудрость и добродетель окажутся сильнее костра и цыкуты, и сила этого порядка распространится не только на будущее, но и на прошлое, так что выйдет, что Джордано Бруно сжег костер, что Сократ восторжествовал над Мелитом и Ани-том и т.д.» [7, с. 157].

О внутренней этической интенции мысли Толстого говорить не приходится. Она у него очевидна. Для Толстого идея морали совпадает с должным, высшим «Я», которое мыслится совершенным, и отношение к которому задаёт пространство морального совершенства. Толстой к концу своей жизни всё больше стал осознавать себя «сыном человеческим», т.е. узнавал себя в абсолютном начале мира, и жил в этом раздвоении, радостно замечая и чувствуя различие между «Толстым» и этим своим другим «Я»: «Не знаю, как это покажется другим, но на меня это ясное разделение себя на Толстого и на Я удивительно радостно и плодотворно для добра действует» [10, с. 313]. Вектор нравственного усилия Толстого, как и его религиозно-нравственного учения подобно экзистенциальной философии Шестова направлен к абсолютному субъекту. Этот субъект, который, конечно, не существует «внутри» мира, но «несомненно есть», создаёт жизнь нравственного сознания, держит её своим запредельным «взглядом». Приближение к нему или «добро» – единственный вечный путь человека, а отход от него или «зло» – невозможен. Возможно лишь забвение, которое для Толстого хуже смерти.

Список литературы:

1. Толстой Л.Н. О жизни. Афоризмы и избранные мысли Л.Н. Толстого, собранные Л.П. Никифоровым. Исповедь. М.: АСТ: Астрель, 2011. 380 с.
2. Гусейнов А.А. Разумная вера Л.Н. Толстого // Сравнительная философия. Знание и вера в контексте диалога культур. М.: Восточная литература, 2008. С. 288–304.
3. Толстой Л.Н. Круг чтения // Lib.ru/Классика. (URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1390.shtml).
4. Толстой Л.Н. Что такое религия и в чём сущность её? // Lib.ru/Классика. (URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0760-1.shtml).
5. Толстой Л.Н. В чём моя вера? // Толстовский листок. Толстой и о Толстом. Выпуск седьмой. СПб.: Фонд «За выживание и развитие человечества», 1996. 237 с.
6. Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. 413 с.
7. Шестов Л. Дерзновения и покорности // Шестов Л. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 151–253.
8. Шестов Л. Николай Бердяев (Гнозис и экзистенциальная философия) // Библиотека Вехи. (URL: <http://www.vehi.net/shestov/berdyaev.html>).
9. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше (философия и проповедь) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 207–308.
10. Библихин В.В. Дневники Льва Толстого. СПб.: Ивана Лимбаха, 2012. 480 с.
11. Шестов Л. Гефсиманская ночь (Философия Паскаля) // Шестов Л. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 278–325.
12. Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор // Библиотека Вехи. (URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/shestov2.html>).
13. Евлампиев И.И. Абсолют как царство Абсурда: Л. Шестов // Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX вв. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб.: Алетейя, 2000. С. 259–297.
14. Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 16–27.
15. Исмаилов Н.О. Политическая философия Макиавелли в свете концепции справедливости // Политика и общество. 2014. № 4. С. 378–384. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.4.12014).
16. Мехед Г.Н. Мораль как абсолютный предел разума в этике И. Канта // Философская мысль. 2014. № 5. С. 17–44. (DOI: 10.7256/2409-8728.2014.5.12351. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_12351.html).

References (transliteration):

1. Tolstoi L.N. O zhizni. Aforizmy i izbrannyye mysli L.N. Tolstogo, sobrannyye L.P. Nikiforovym. Ispoved'. M.: AST: Astrel', 2011. 380 s.
2. Guseinov A.A. Razumnaya vera L.N. Tolstogo // Sravnitel'naya filosofiya. Znanie i vera v kontekste dialoga kul'tur. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2008. S. 288–304.
3. Tolstoi L.N. Krug chteniya // Lib.ru/Klassika. (URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1390.shtml).
4. Tolstoi L.N. Chto takoe religiya i v chem sushchnost' ee? // Lib.ru/Klassika. (URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0760-1.shtml).
5. Tolstoi L.N. V chem moya vera? // Tolstovskii listok. Tolstoi i o Tolstom. Vypusk sed'moi. SPb.: Fond «Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva», 1996. 237 s.
6. Shestov L. Afiny i Ierusalim // Shestov L. Sochineniya v 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1993. 413 s.
7. Shestov L. Derznoventiya i pokornosti // Shestov L. Sochineniya v 2 t. T. 2. M.: Nauka, 1993. S. 151–253.
8. Shestov L. Nikolai Berdyaev (Gnozis i ekzistentsial'naya filosofiya) // Biblioteka Vekhi. (URL: <http://www.vehi.net/shestov/berdyaev.html>).
9. Shestov L. Dobro v uchenii gr. Tolstogo i F. Nitshe (filosofiya i propoved') // Shestov L. Apofeoz bespochvennosti. M.: AST, 2000. S. 207–308.
10. Bibikhin V.V. Dnevnik L'va Tolstogo. SPb.: Ivana Limbakha, 2012. 480 s.
11. Shestov L. Gefsimsanskaya noch' (Filosofiya Paskalya) // Shestov L. Sochineniya v 2 t. T. 2. M.: Nauka, 1993. S. 278–325.
12. Berdyaev N.A. Lev Shestov i Kirkegor // Biblioteka Vekhi. (URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/shestov2.html>).
13. Evlampiev I.I. Absolyut kak tsarstvo Absurda: L. Shestov // Evlampiev I.I. Istoriya russkoi metafiziki v XIX–XX vv. Russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta. SPb.: Aleteiya, 2000. S. 259–297.
14. Guseinov A.A. Filosofiya kak eticheskii proekt // Voprosy filosofii. 2014. № 5. S. 16–27.
15. Ismailov N.O. Politicheskaya filosofiya Makiiavelli v svete kontseptsii spravedlivosti // Politika i obshchestvo. 2014. № 4. S. 378–384. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.4.12014).
16. Mekhed G.N. Moral' kak absolyutnyi predel razuma v etike I. Kanta // Filosofskaya mysl'. 2014. № 5. S. 17–44. (DOI: 10.7256/2409-8728.2014.5.12351. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_12351.html).